

СЕМЕЙНЫЙ СТАТУС КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ И МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ

Семейный статус респондентов - один из самых распространенных социально-демографических показателей в социологических исследованиях. В массовых опросах населения по частоте встречаемости в социологических анкетах он уступает, пожалуй, лишь таким признакам, как «пол», «возраст» и «род занятий». В специализированных же исследованиях по проблемам гендерной социологии и феминологии, фамилистики и социологии девиантно-го поведения, при изучении динамики уровня жизни населения, процессов социализации молодежи и т.д. семейное положение выступает в качестве главного «мнениеобразующего» и стратифицирующего фактора, детерминирующего интересы и потребности, ценности и поведенческие установки людей. А потому и вопросы, ориентированные на фиксацию данного признака, используются практически в каждой анкете.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ АНАЛИЗА

Массовая социологическая практика в нашей стране показывает, что многие социологи явно недооценивают всю сложность получения точной и достоверной информации о семейном положении респондентов. В профессиональном социологическом сообществе (не говоря уже о социологах-любителях) прочно укоренилось мнение, что определение семейной принадлежности опрашиваемых не составляет особой проблемы, а потому не требует каких-либо дополнительных методологических и методических усилий. Считается, что достаточно спросить об этом самих респондентов, правильно зафиксировать их ответы и искомая информация - собрана.

Данное профессиональное заблуждение базируется на ошибочном понимании природы социально-демографических признаков как «предметно-естественных» характеристик, объективно принадлежащих индивидам, а также на явно упрощенном

представлении о социологическом опросе как простом обмене информацией между социологом и респондентом. Исходя из этих предпосылок, исследователи полагают, что измерению в ходе опроса подлежат именно те социальные «качества» респондентов (в нашем случае, семейный статус), которые первоначально в виде теоретических понятий закладываются социологом в вопросительные высказывания, а затем возвращаются к нему в виде вербальных сообщений опрашиваемых (по принципу: вопрос - ответ). При этом, как считается, в процессе речевой коммуникации достигается полное индикативное соответствие между понятием («семейный статус») и его эмпирическим референтом (ответом). Будучи убежденными в принципиальной возможности такого взаимно-однозначного соответствия, исследователи полагают самодостаточным применение традиционной процедуры «приписывания» того или иного значения признака («холост - женат», «замужем - незамужем» и т.д.) определенным респондентам и целым группам лишь на основе их же собственных «самоотчетов».

Но давайте задумаемся, не слишком ли легко мы относим людей к категориям «семейных» или «несемейных» лишь на том основании, что в их анкетах имеется одна из двух указанных записей? И вообще, правомерна ли столь однозначная эмпирическая интерпретация такого сложного, системного признака, каким является «семейное положение»? Ведь очевидно, что коммуникационный процесс заключается не только и не столько в передаче сообщения, сколько в его преобразовании. То, что человек думает или хочет сказать, далеко не всегда совпадает с тем, что он говорит. К тому же, последнее воспринимается по-своему и вторым коммуникантом. В результате содержание сообщения оказывается продуктом многократных изменений, которые неизбежно сопровождаются «эффектом смысловых ножниц» - возникновением «семиотического вакуума», вызванного несовпадением семантических «фокусов» речи в процессе общения (1, с. 71). Ответы на вопрос о семейном положении

нельзя рассматривать в качестве надежных и объективных «показателей-сертификатов», удостоверяющих наличие или отсутствие у респондентов определенного социального признака. Ответ, согласно современным представлениям, есть не что иное, как «голограмма», на которой в свернутом виде записана огромная и разнообразная информация: а) о ситуации опроса и внешних факторах, которые воздействовали на респондента в момент его проведения; б) о субъективных реакциях самого респондента на содержание и последовательность предлагавшихся ему вопросов; в) о механизмах переработки информации и субъективных стратегиях оценивания респондентом тех или иных вопросов. Содержание ответа, пишет, например, А.А. Давыдов, «конструируется» респондентом «с учетом не только индивидуального, но и коллективного бессознательного, прошлого опыта и ожиданий на будущее» (3, с. 25). Иначе говоря, ответ - это не естественный, «материализованный» или «вещественный», признак, который можно было бы рассматривать как однозначно интерпретируемый эмпирический показатель измеряемого социального качества, а «самостоятельная форма природно-социально-психологической реальности, обладающая специфической информацией и имеющая свои особые законы строения, функционирования и развития» (там же). Будучи продуктом коммуникативного процесса, ответ в ряде случаев отражает не столько объективную семейную (поло-возрастную, профессиональную и т.д.) принадлежность человека, сколько его ситуативные психологические реакции и индивидуальные особенности механизмов брачно-семейной самоидентификации. В результате мы часто не знаем и не можем знать, какая именно «природно-социально-психологическая» реальность скрывается на самом деле за расхожими ответами типа «женат (замужем)». Очистить же их действительное содержание от разного рода субъективных психологических привнесений и прочих факторов практически невозможно. Именно поэтому в ходе социологических опросов и возникают различные логико-семантические рассогласования, чреватые курьезными ситуациями, аналогичными той, с которой столкнулись в свое время исследователи, анализируя результаты одной из переписей населения СССР. Полученные тогда материалы зафиксировали в стране сильную диспропорцию между числом женатых мужчин и замужних женщин: последних оказалось намного больше, чем мужчин, посчитавших возможным назвать себя женатыми.

Но даже если избрать иную стратегию эмпирической интерпретации и фиксировать семейное положение на основе предъявления свидетельства о браке, то и в этом случае получение точной и достоверной информации останется проблематичным. Численность мужей и жен станет одинаковой, но тогда в число женатых и замужних придется включить и тех респондентов, которые фактически не являются мужем и женой, хотя их брак юридически не расторгнут.

Данная «тупиковая» ситуация обусловлена не только отсутствием в распоряжении социолога надежных перцептивных средств фиксации семейного статуса респондентов, но и упорной ориентацией многих исследователей на использование давно устаревшей, а ныне просто примитивной «одновопросной» техники сбора данных, основанной на раннебихевиористском принципе: «стимул - реакция», «вопрос - ответ».

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКСПЛИКАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА РЕСПОНДЕНТОВ

Для многих практикующих социологов задача получения информации о семейном положении респондентов зачастую сводится, к сожалению, лишь к постановке в анкете одного единственного вопроса со стереотипным звучанием: «Ваше семейное положение?» При этом далеко не все из них задумываются о том, какая содержательная информация может быть получена в результате обобщения собранных таким образом ответов и в состоянии ли вообще этот вопрос обеспечить требуемое качество искомым данным. Анализ упомянутой формулировки с позиций интеррогативной («эротетической») логики (14) показывает, что, несмотря на массовое ее распространение в социологических анкетах, она вряд ли может быть признана удачной. У специалистов она давно уже вызывает серьезные и вполне обоснованные возражения. Мало того, что сама по себе такая постановка вопроса («семейное положение») слишком широка и абстрактна, в ней имеются еще и нарушения элементарных логических требований к вопросительным высказываниям. В частности, нечетко сформулирован запрос, обращенный к респондентам, а потому далеко не всем из них ясно, какие именно сведения о своей семье они должны сообщить социологу. В результате при всей внешней привычности и обыденности

формулировка вопроса «Ваше семейное положение?» вызывает у респондентов разные ответные реакции.

Во избежание возможной многомерности в ответах данный вопрос обычно облачают в закрытую форму, что само по себе является вполне резонным. Но даже в этом случае положение существенно не меняется. Двусмысленность и недосказанность все равно остаются. Попытка уточнения смысла вопроса посредством ответной шкалы с набором позиций типа «холост (незамужем)» или «женат (замужем)» не только не проясняет, но еще более запутывает ситуацию для опрашиваемых, усугубляет и без того острое смысловое противоречие, имманентно присущее данному вопросу. Нарушение вопросно-ответной логики заключается в том, что предлагаемая респондентам шкала включает в себя ответы на фактически несформулированный вопрос-просьбу. В результате получается, что вопросная формулировка требует от респондента сведений о его *семейном* положении, а ответные альтернативы ориентируют его на описание *брачного* статуса. Очевидно, к тому же, что брачное состояние далеко не исчерпывает всего, достаточно емкого, содержания понятия «семейное положение». Ясно, что можно не состоять в браке, но в то же время иметь тот или иной семейный статус: быть членом, например, родительской семьи - братом, сыном, дочерью, сестрой и т.д.

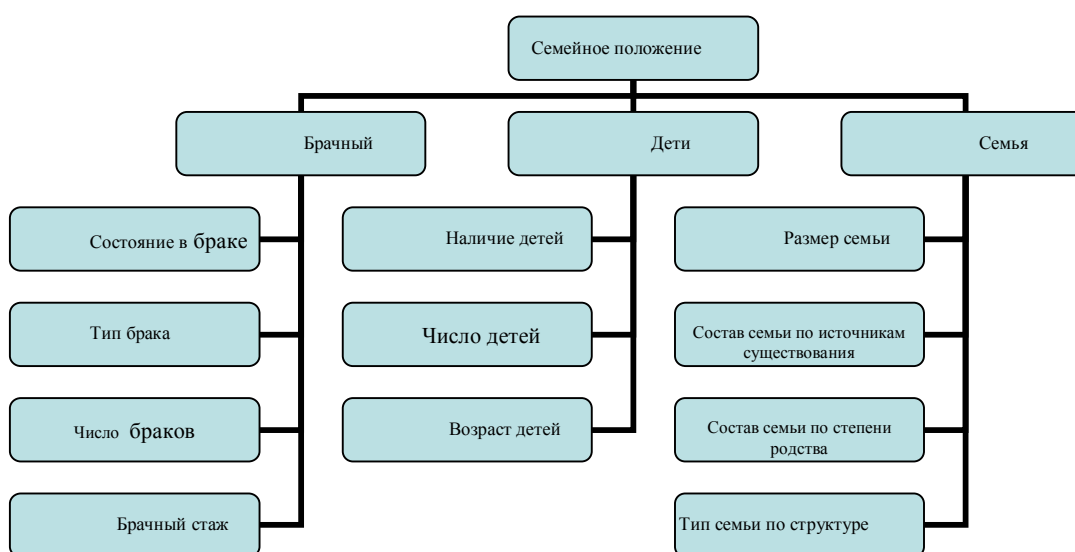
И наоборот, человек может состоять в юридическом браке, но не иметь в нем семьи. Ведь

ситуации, когда юридические супруги, не имеющие детей, проживают порознь, не расторгая по тем или иным причинам свой, уже не существующий фактически, брак, не столь уж и редки в наши дни. Да и семья, как известно, вовсе не обязательно основывается на брачных отношениях.

Налицо, таким образом, сильное вопросно-ответное рассогласование, чреватое трудностями при выборе ответа, а возможно, и вовсе неадекватными ответными реакциями респондентов. Данное несоответствие вызвано прежде всего тем, что в формулировке «Ваше семейное положение» используется термин, не прошедший предварительной операционализации на стадии разработки программы исследования. В результате программный вопрос задается в качестве анкетного. Поэтому, прежде чем формулировать в анкете какие-либо вопросы, относящиеся к этому разделу, социологу необходимо проделать определенную работу по операциональной интерпретации понятия «семейное положение».

Опыт такой работы показывает, что семейное положение респондентов можно рассматривать в трех основных аспектах: брачный статус, дети, семья. Каждый из них в свою очередь проецируется в самостоятельные подсистемы операциональных понятий, составляющих основу для формулирования конкретных анкетных вопросов (см. рис.).

Рис. Схема операционализации понятия «семейное положение респондентов»

МЕТОДИКА СБОРА И ИЗМЕРЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ ДАННЫХ

Брачный статус и «брачная история» респондентов. В этом блоке задаются обычно следующие вопросы:

1. Состоите ли Вы в браке? (Вопрос о брачном состоянии.)

1). Да, состою. 2).

Нет, не состою.

2. В каком браке Вы состоите? Вариант: Ваш брак зарегистрирован или нет? (Тип брака, брачных отношений.)

1). Брак зарегистрирован, 2). Брак не зарегистрирован. В случае необходимости эти основные вопросы иногда сопровождаются дополнительными, относящимися к так называемой брачной истории респондентов:

1. Каким по счету является Ваш нынешний брак? (Число браков.)

1). Первый брак.

2). Второй.

3). Третий и более.

2. Сколько лет длится Ваш нынешний брак? (Брачный стаж.)

Последний вопрос целесообразно задавать в открытой форме с дальнейшим кодированием полученной информации по интервальной шкале: менее 1 года; 1 - 3 года; 4 - 6 лет; 7 - 10 лет; 11 - 15 лет; 16 - 20 лет; 21 - 25 лет; 26 - 30 лет; более 30 лет.

3. Сколько Вам было лет, когда Вы впервые вступили в брак? (Возраст вступления в брак.)

Вопрос задается в открытой форме и предполагает последующее кодирование ответов и их упорядочение посредством отнесения к погодичной шкале возрастов с интервалом в 1 год.

В углубленных (специализированных) исследованиях, а также в переписях населения в опросные документы, помимо указанных, включаются иногда и вопросы, направленные на выяснение времени вступления респондентов в первый и последующие браки, времени и причин (или мотивов) прекращения брака («развелся (развелась)»; «разошелся (разошлась)»; «овдовел (овдовела)») и др. (8, с. 44).

Следует заметить, однако, что такой способ получения информации о брачном статусе респондентов (посредством последовательного формулирования нескольких вопросов) - отнюдь не единственный и далеко не самый оптимальный. Более эффективным считается применение так называемых универсальных вопросов, дающих возможность собрать сведения по интересующей проблеме с разной

степенью глубины и детализации и позволяющих учесть, тем самым, интересы исследователей разной специализации. В принципе, как показывает методический опыт, накопленный в отечественной социологии, можно сконструировать два таких вопроса. Первый - общий для всех исследований, в которых брачно-семейные отношения не являются предметом специального изучения, а состояние в браке используется лишь как стратифицирующий фактор. Вторым вопросом - унифицированным, интегрирующим сразу три важных показателя брачного статуса индивидов - брачное состояние, тип брака и характер брачных отношений, а потому предназначенный скорее для специализированных исследований (12, с. 69).

Общий вопрос обычно формулируется следующим образом: «Ваше семейное положение?» - с «подсказками»: «холост (незамужем)»; «женат (замужем)»; «вдовец (вдова)»; «разведен (разведена)». Используемая здесь формулировка, несмотря на все ее недостатки, о которых говорилось выше, в неспециализированных исследованиях все же имеет, вероятно, право на существование. И тем не менее было бы лучше заменить ее нейтральной формулировкой, например: «К какой из нижеперечисленных категорий людей Вы себя относите?» - с теми же самыми подсказками.

Что касается предлагаемых ответных альтернатив, то они в данном случае представляют собой довольно стандартный набор значений, используемых в вопросах такого рода. В целом, как считается, они довольно точно отражают различные брачные состояния индивидов, удобны в обработке, легко поддаются перегруппировке и в случае необходимости их всегда можно без особого труда свести к двум более общим градациям: «состоит в браке», «не состоит в браке».

Данной шкале присущ, правда, один серьезный недостаток, который нужно учитывать при проведении исследований с ее использованием. Она не дает возможности разграничить формальное и фактическое брачное состояние респондентов, а потому не все из участников опроса смогут, вероятно, найти ответ, адекватный их жизненной ситуации. Поэтому при применении данной шкалы не исключено повторение описанного выше курьеза, имевшего место в ходе одной из переписей населения СССР. Учитывая, однако, тот факт, что социологи, проводящие неспециализированные исследования, заинтересованы обычно в получении

информации о браках как таковых, а не только о зарегистрированных. Эта шкала ответов тоже может быть уместной.

Интегральный тип вопроса предназначен для получения углубленной информации в специальных исследованиях, посвященных социальным проблемам женщин, брака и семьи, миграции населения и т.д. Хотя вряд ли есть какие-либо противопоказания к его использованию в иных исследованиях, в том числе и в массовых опросах общественного мнения. В данном вопросе применяется та же самая формулировка, что и в предыдущем случае, аналогичны и альтернативы ответов, хотя представлены они уже в более развернутом и детализированном виде: «никогда не состоял(а) в браке»; «разведен (разведена)»; «разошелся с женой (разошлась с мужем)»; «вдовец (вдова)»; «состою в зарегистрированном браке»; «брак не зарегистрирован» (8, с. 42 - 43). Унифицированный вопрос лишен недостатков, характерных для вопроса общего типа, и позволяет одновременно собирать данные о таких показателях, как брачное состояние и тип брака.

Данные о детях. Другой важный блок информации, относящийся к семейному положению респондентов, предполагает получение сведений о детях. Обычно в анкетах задаются три основных типа вопросов: 1. О наличии детей («Есть ли у Вас дети?») или «Имеете ли Вы детей?») с двумя альтернативными «подсказками» («Да» - «Нет»); 2. О количестве детей; 3. О возрасте детей.

Вопросы о наличии и количестве детей целесообразно задавать в закрытой форме, хотя с точки зрения качества будущей информации нет противопоказаний и для использования открытой вопросной формы.

Если составление шкалы для первого из указанных вопросов, в силу его дихотомической природы, не вызывает никаких затруднений, то во втором случае социологу необходимо прежде всего определиться с ее размерностью, т.е. с числом шкальных закрытий. Ведь *в принципе эту шкалу можно сжать всего до двух градаций* («один ребенок»; «двое и более детей»), но можно и растянуть, скажем, до 10 пунктов. Однако задача состоит в том, чтобы определить оптимальное число ее позиций. При решении этого вопроса нужно исходить из требуемых в данном случае уровней точности и правильности измерения количественного признака «число детей». В теории измерений под точностью шкалы традиционно по-

нимается ее способность измерять истинные значения признака или свойства с минимальным отклонением (т.е. без сверхнормативных случайных ошибок).

Критерием правильности обычно служит отсутствие систематических ошибок (т.е. аномалий равномерного статистического распределения) в результатах эмпирического измерения (11, с. 32 - 34; 13, с. 20 - 22, 32 - 33). Судя по данным официальной статистики, точность, равная 3, может быть признана впол- не достаточной, поскольку в настоящее время в российских семьях редко бывает больше двух детей. Как видно из табл. 1 (6, с. 88), к середине 90-х гг. в нашей стране семьи с тремя и более детьми составляли примерно 9 %. К тому же сравнение статистических данных за 1989 и 1994 гг. свидетельствует о продолжающейся «нуклеаризации» семей

Таблица 1

Распределение семей в Российской Федерации по числу детей, %

	Количество детей		
	один	двое	трое и более
1989 г.	51*	39*	9,8
1994 г.	54*	37*	9,4

* Данные округленные.

Принимая во внимание эти обстоятельства, а также требование теории измерений о 5 %-м минимальном наполнении каждого из пунктов шкалы, можно с уверенностью утверждать, что искомый оптимум точности и правильности измерения находится на уровне трех шкальных градаций. А потому данный вопрос в окончательном виде будет выглядеть следующим образом: «Сколько у Вас детей?» - с подсказками: «один»; «двое»; «трое и более». И лишь при проведении исследований в отдельных «многолетних» регионах потребуется увеличение размерности «шкалы детности» до 4, а возможно, и до 5 - 6 пунктов с учетом показателей региональной статистики

Блок вопросов о детях иногда дополняют (в зависимости от целей и задач исследования) и детализирующей информацией о возрасте детей респондентов. Для ее получения лучше использовать открытый вопрос, типа: «Укажите, пожалуйста, возраст Ваших детей (число полных лет; для детей до года - число месяцев)». При этом вопросная формулировка должна сопровождаться следующей конструкцией:

возраст первого ребенка ;
 второго ;
 третьего ;
 ; Данный вопрос, как видим, может служить и дополнительным контрольным или проверочным) вопросом о числе детей в семье опрашиваемых.
 На стадии кодирования полученной таким образом информации рекомендуется использовать универсальную возрастную шкалу: 0 - 2; 3 - 4; 5; 6; 7 - 9; 10 - 12; 13 - 14; 15; 16;

17; 18 - 19; 20 лет и старше (с возможностью соответствующих укрупнений в зависимости от специфики исследования) (12, с. 70).

Состав и структура семьи. Самым общим индикатором, характеризующим состав семьи, обычно считается количество ее членов. Уровень точности, который должен быть предъявлен к этому вопросу в социологических исследованиях, не превышает, по-видимому, 5 человек, что хорошо согласуется с объективными статистическими данными (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение семей в Российской Федерации по их численности, %*

	Число членов семьи, чел.					
	2	3	4	5	6	7 и более
1989 г.:						
В России в целом	34,2	28,0	25,2	8,3	2,8	1,5
Среди городского населения	33,1	29,6	26,1	7,8	2,3	1,1
1994 г.:						
В России в целом	32,4	28,0	25,4	14,2**		
Среди городского населения	31,9	29,7	25,6	12,8**		

Рассчитано по: (6, с. 88; 9, с. 86; 10, с. 95).

** Сумма трех последних позиций.

Как видно из таблицы, семьи, имеющие 5 и более человек, составляют сегодня незначительную долю от общей численности российских семей (порядка 14 % в целом по России и около 13 % - от числа городских семей). Каких-либо особо выраженных тенденций, по крайней мере в сторону уменьшения доли многочисленных семей, за последние годы в стране не наблюдается. Исходя из этого, первый уровень вопроса о составе семьи, выясняющего количество ее членов, в социологической анкете можно сформулировать так:

«Сколько человек в Вашей семье?» - с ответами: «один»; «двое»; «трое»; «четверо»; «пятеро и более». Здесь, однако, следует заметить, что данная пятипунктная шкала, опирающаяся на общероссийскую статистику, может считаться оптимальной лишь для исследований по общенациональной выборке, а также в центральных областях России. При проведении же опросов в конкретных регионах она,

вероятно, претерпит некоторые, а возможно и весьма существенные, изменения, обусловленные национально-территориальной спецификой социально-демографической ситуации. Известно, например, что в Бурятии, Калмыкии, Туве, Якутии, а также в республиках Северного Кавказа удельный вес многочисленных семей сегодня по-прежнему значительно выше, чем в других областях страны. Так, в Чечне и Ингушетии доля семей с численностью 7 и более человек составляет 17,6 %, в то время как в Ивановской области она не превышает 0,6 % для городского населения и 0,7 % - для сельского (4, с. 47; 5, с. 49). «Правосторонняя скошенность» статистического распределения по сравнению с общероссийскими показателями потребует и соответствующего увеличения дробности конструируемой шкалы.

Социологов иногда интересует и более де-тализированное описание состава семьи, и в частности по источникам средств существования ее членов. Для получения этих

сведений многие социологи-практики вплоть до конца 80-х гг. пользовались следующей классификацией: работающие члены семьи; неработающие взрослые; занятые в личном подсобном хозяйстве; пенсионеры; домохозяйки; стипендиаты (или студенты); иждивенцы; прочие (12, с. 71). Однако сегодня эта схема уже явно устарела и нуждается в пересмотре, ибо не учитывает новых, «рыночных» тенденций и изменений, произошедших в социально-экономической структуре российского общества за последние годы (появление и рост безработицы, изменения в формах собственности и структуре занятости, возникновение слоя «рантье» и др.).

Более плодотворным и учитывающим современные реалии является подход, заложенный в концепции проекта программы предстоящей в 1999 г. Всероссийской переписи населения и вынесенный недавно на обсуждение специалистов. Его авторы предлагают дифференцировать респондентов, с точки зрения источников средств их существования, по следующим основным категориям. 1. Работающие по найму, в том числе: а) на предприятии, в организации, учреждении, крестьянском фермерском хозяйстве; б) по обслуживанию домохозяйства; в) у отдельных граждан. 2. Работающие не по найму: а) в собственном крестьянском (фермерском) хозяйстве; б) на собственном предприятии; в) на индивидуальной основе; г) на семейном предприятии, в крестьянском (фермерском) хозяйстве без оплаты; д) в личном подсобном хозяйстве. 3. Неработающие: а) получающие стипендию; б) получающие пенсию; в) получающие пособие (кроме пособия по безработице); г) получающие пособие по безработице; д) имеющие другой вид государственного обеспечения; е) живущие на доходы от собственности; ж) находящиеся на иждивении; з) имеющие иные источники существования (8, с. 42 - 43).

Данная модель может быть положена и в основу инструментария социологического исследования, но лишь после соответствующей пилотажной апробации в полевых условиях.

Богатую информацию о семье респондентов можно получить посредством анализа ее структуры. В современной отечественной фамилистике существуют разные подходы к типологизации семей по этому признаку. Но самой, пожалуй, популярной среди исследователей по-прежнему остается классификация, традиционно применяемая при проведении всеобщих переписей населения в нашей стране. В ее основу положена шкала из 9 пунктов, каждый из которых соответствует тому или иному типу семьи: 1. Одна супружеская пара, с детьми или без детей; 2. Одна супружеская

пара, с детьми или без детей, с одним из родителей супругов; 3. Одна супружеская пара, с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками; 4. Две и более супружеские пары, с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них); 5. Матери с детьми; 6. Отцы с детьми; 7. Матери с детьми, с одним из родителей; 8. Отцы с детьми, с одним из родителей; 9. Прочие семьи (7, с. 68).

Однако, с нашей точки зрения, эта шкала¹ вряд ли может быть рекомендована в качестве оптимальной для использования в современной социологической практике, и прежде всего в силу ее несоответствия метрологическому критерию правильности измерения. Результаты последней микропереписи населения 1994 г. показывают, в частности, что в России сегодня заметно преобладают семьи, состоящие либо из одной брачной пары с детьми, либо только из супругов без детей: в сумме они составляют около 60 % всех российских семей (6, с. 88). По данным последних социологических исследований, среди неполных семей (а всего в стране их более 13 %) явно доминируют «материнские», в то время как «отцовские», включающие отцов с детьми, - явление крайне редкое (1,2 % от числа всех семей) (2, с. 83). Даже эти, весьма скудные, показатели дают основания полагать, что применение упомянутой выше шкалы в выборочном социологическом исследовании (в отличие от ее применения в учетно-статистической практике, которая оперирует сведениями о миллионах семей) приведет к «выпадению» целого ряда ее пунктов (например, 6-го и 8-го по причине их низкой наполняемости) и к перекосу статистического распределения в сторону первой шкальной градации. В связи с этим данная шкала нуждается в некоторой модификации с учетом объективной статистики в целях ее адаптации к специфическим условиям выборочного исследования. После ряда преобразований она будет, по-видимому, выглядеть следующим образом: 1. Одна супружеская пара без детей; 2. Одна супружеская пара с детьми; 3. Одна супружеская пара, с детьми или без детей, с одним из родителей супругов; 4. Одна супружеская пара с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками; 5. Две и более супружеские пары, с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них); 6. Матери (отцы) с детьми; 7. Прочие семьи.

В отличие от «базовой», данная шкала

более компактна, соответствует критериям точности и правильности измерения, а потому пригодна для использования в массовой социологической практике.

Итак, процесс получения достоверной информации о семейном статусе респондентов в социологическом исследовании не сводится к постановке в анкете одного единственного, традиционно задаваемого вопроса «Ваше семейное положение?» Он предполагает достаточно серьезную предварительную методологическую разработку целостной системы

понятийных и эмпирических показателей измеряемого признака с последующим их «переводом» в серии конкретных анкетных вопросов. При этом измерительные инструменты (шкалы) должны конструироваться не на основе интуиции или «творческого воображения» исследователя, а с обязательным учетом целого ряда методических, статистических и методологических критериев, принятых в современной эмпирической социологии.

Библиографический список

1. Батыгин Г. С. *Обоснование научного вывода в прикладной социологии*. М., 1986.
2. Гурко Т. А. *Особенности развития личности подростков в различных типах семей* // Социол. исслед. 1996. № 3.
3. Давыдов А. А. *Респондент как источник информации*. М., 1993.
4. Дармодехин С. В., Елизаров В. В. *Проблемы семьи и семейной политики* // Соц.-по-лит. журн. 1994. № 10.
5. *Ивановская область в 1994 году: Стат. сб.* Иваново, 1995.
6. *Краткий обзор основных итогов микропереписи населения 1994 года: (По материалам Госкомстата России)* // *Вопр. статистики*. 1995. № 3.
7. Мацковский М. С. *Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики*. М., 1989.
8. Михайлов Е. *О проекте программы всероссийской переписи населения 1999 года* // *Вопр. статистики*. 1995. № 10.
9. *Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: Стат. ежегодник*. М., 1990.
10. *Народное хозяйство СССР в 1990 году: Стат. ежегодник*. М., 1991.
11. Паниотто В. И. *Качество социологической информации: (Методы оценки и процедуры обеспечения)*. Киев, 1986.
12. Петренко Е. С., Ярошенко Т. М. *Социально демографические показатели в социологических исследованиях*. М., 1979.
13. Саганенко Г. И. *Надежность результатов социологического исследования*. Л., 1983.
14. Сорина Г. Б., Меськов В. С. *Логика и методология социологического исследования: Анализ вопросно-ответных систем* // *Методика изучения общественного мнения*. М., 1992.